

НИК ПЕРУМОВ

ТЁРН

Семь Зверей Райлега

Семь Зверей Райлега

Ник Перумов

Терн

«Феникс»

2007

Перумов Н.

Терн / Н. Перумов — «Феникс», 2007 — (Семь Зверей Райлега)

ISBN 978-5-222-37409-2

Мир Райлега терзает магическая напасть – Гниль. Таинственный странник Тёрн из народа дхуссов, воин, философ и маг, отправляется в путь, чтобы справиться с ней. Но его всё время что-то отвлекает от великой миссии. Новые друзья нуждаются в помощи. Чтобы найти средство от рваров-таэнгов, он вырвал демона-поэта Кройона из его мира. Чтобы излечить Стайни от порчи Некрополиса, нанялся служить алхимику Ксарбириусу. А ещё преследователи из Ордена Чаши желают схватить Тёрна и использовать его для своих опытов.

ISBN 978-5-222-37409-2

© Перумов Н., 2007

© Феникс, 2007

Содержание

Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Ник Перумов

Терн

...Вначале не было ничего. Ни земли, ни неба, ни воздуха, ни воды. Бесформенным и невоплощённым заполнено было всё, и ничего, кроме него, не было. А началось всё с желания, что стало первым семенем; из него проросла же мысль.

Желание и Мысль – вот что изменило Хаос. Изменение породило движение, движение породило силу, а сила – сознание.

В невообразимой глубине Хаоса возникли Безымянные, и четверо их было. Неведомы нам ни их прозвания, ни вид их, одно лишь знаем мы точно – что они есть.

И один из них, воплотившись, стал Землёй, а другой – Воздухом. Водой – третий, а четвёртый – Исполинским Древом, возросшим на этой земле и впитавшим в себя эту воду, дышащим этим воздухом. На древе том распустились почки, и покрылось оно великим изобилием листьев. Эти листья и есть миры: как листья, плоски они, и, как листьев, бесконечно много их. И солнце, встающее над нашими головами, – это капельки Истинной Влаги, в которых отражается Истинный Свет. Иной спросит – свет чего же отражают капли сии и не кроется ли тут лукавство древнего предания? Не кроется, ответим, ибо Истинный Свет потому и Истинен, что незрим, разлит повсюду, всё пронзает, даруя жизнь, как учат посвящённые. Лишь отразившись в чём-то, может он быть явлен нам. Откуда проистекает он? Сие есть тайна, ведомо только, что не имеет он источника, вольно струясь от края и до края пределов вечноизменчивого Хаоса, неуничтожимый, несотворённый...

Огромны наши миры, и дано обычным смертным жить в них, но не странствовать меж ними. Таковое – удел Безымянных, что, воплотившись в Землю, Воздух, Воду и Древо, отделились потом от своих воплощений, приняли различные облики и с тех пор, говорят, всё скинутся по сотворённому ими, наблюдая за теми, кому дали жизнь и дыхание. А для чего они это сделали – то нам знать не дано.

Хаос же остался. Но, раз начав изменяться, уже не мог остановиться. Возникли многие планы бытия, непонятные нам. Сейчас же одни из них населены, другие пусты. Особые силы и таланты потребны, чтобы рождённый на одном из листьев-миров смог проторить дорогу в иной мир и уж тем более на иной план.

Неисчислимы листья на Великом Древе, бесконечно и число бытийных планов, возникших во Всеобъемлющем Хаосе. Неуничтожимо сознание, вечен наш путь, и никто не ведает конечной цели его.

Глава 1

Дух Ветра вырвался наконец на волю из плена тесных ущелий, взвыл, не сдерживая больше ярости. Внизу раскинулась бескрайняя равнина, заблестели извивы речек, голубые поляны маленьких озёр, окутанные зеленью не сбрасывающих листву лесов. Завывая от восторга, дух всё ускорял и ускорял неистовый полёт. Вперёд, вперёд, сквозь толщи аэра, вперёд, к самому горизонту и тому, что за ним!

Дух хотел бы мчаться так вечно, упиваясь собственной мощью и быстротой, не зная границ, не ведая пределов – и чтобы внизу постоянно расстился бы пёстрый ковёр земли. Однако дух знал, что великолепие этих красот не бесконечно. Если долго-долго лететь вслед за светилом, обгоняя тёмных птиц Ночи, то рано или поздно перед тобой воздвигнется Великий Предел. Препграда, которую не преодолеть даже ему, существу свободной стихии. И там, за этим Пределом, – Ничто. Даже не мрак, не пустота. Ничто, где нет места жизни, свету или тьме. Даже смерти там нет места, потому что смерть – это не только конец, но также и великое Начало; а за Пределом всё навеки застыло в странной не-смерти и не-жизни.

Впрочем, дух не особенно расстраивался по этому поводу. Просторы мира достаточно велики. Есть где разгуляться.

Он мчался с запада на восток, набрав разгон над морем Тысячи Бухт, над его берегами. Справа и слева расстились поросшие низким лесом холмистые равнины, с Реарских гор сбегало множество коротких, но полноводных рек. Реки служили естественными границами, отделяя друг от друга небольшие, но воинственные королевства; духу не было дела до их имён, но любой купец или даже просто китобой, плававший по здешним водам, знал назубок все государства Южного Берега: Воршт, Килион и Масано, Гвиан, Алеа и Семтеа; ещё дальше лежали Акседор, Доарн и Меодор. И, наконец, последнее из свободных королевств полуденной стороны северного Приморья – небольшое, но гордое Долье.

Там, где Реарские горы вплотную приближались к морю, где река Сиххот разделила земли живых и владения повелителей мёртвых, небо обильно испятнали бесчисленные дымы. Внизу полыхали пожары и пожарищи, кое-где вздымаясь сплошным заревом.

Война, очередная война подобных с подобными, тех, что бродят по земле на двух ногах, – но духа это не интересовало. Он счастливо избег нескольких попыток смертных колдунов наложить на него заклятье призывания, подчинить его, загнать в рабское стойло; когда двуногие дерутся, это хорошо – их чародеи слишком заняты, чтобы обращать внимание на мир духов.

Кто там на кого напал, кто в справедливой борьбе защищал свой дом и очаг, а кто коварно ударил в спину ничего не подозревавшему соседу – дух не знал и знать не желал. Он просто пронёсся сквозь дымный горизонт, вскоре оставив полосу пожарищ далеко позади.

Ручейки и речушки сливались в полноводные потоки, заимки и починки уступали место поселкам, те, в свою очередь, – сжавшимся, словно иглоносы, городам. Поднимались угрюмые серые бастионы, высокие и тонкие, словно рыбы кости, сторожевые башни. Десятки и сотни краснокирпичных труб изрыгали едкий дым – жёлтый, коричневый, зеленоватый. Дух Ветра даже поморщился от омерзения, спеша как можно скорее оставить позади злое место.

Это проносились земли Некрополиса, державы, мощи которой страшились даже сущности свободных стихий, и дух поспешил свернуть на юг, вдоль пограничной реки Делхар – разумеется, пограничной она была только для двуногих обитателей тех мест.

Он обогнул восточную оконечность Реарских гор и теперь мчался обратно на запад, над обширными владениями Державы Навсинай, вечного и врага, и соперника мрачного Некрополиса. Здесь тоже хватало уродливых мануфактур, длинных и низких, словно черви, вгрызшихся в плоть земли.

Но вот – зловонные города растаяли вдали, промелькнуло русло могучей Аэрно, и впереди вновь воздвиглись коричневатые громады гор – духу гостеприимно распахивал объятия прямой и острый, точно меч, Таэнгский хребет. Засверкали венчающие каменных исполинов снежные короны, венцы ледников в свою очередь давали жизнь водным потокам, щедро делясь с ними собственной прозрачной кровью.

На краю обрыва, на головокружительной высоте дух Ветра разглядел крошечную фигурку. Но какое дело вольному сыну аэра до бескрылых обитателей земли! Он просто взмыл повыше, не желая блуждать по ущельям и долинам. Силуэт остался далеко внизу и мгновенно пропал из виду.

...Девушка отвела руки от лица – пронёсшийся холодный порыв горного ветра резанул острым клинком. Сама она бесстрашно стояла в полушаге от пропасти, рухнувшей вниз сотнями шагов отвесной каменной стены. Лес у её подножия докатился волнами зелёного моря до безжизненных гранитных пластов, где корни уже не могли найти влаги, и остановился.

Девушка последний раз взглянула вниз и со вздохом отошла от края. Похоже, она только что поднялась сюда, на жуткую верхотуру.

Не по-человечески тонкую, узкобедрую, словно у мальчишки, фигуру плотно облегал зелёно-коричневое одеяние, беспорядочно покрытое широкими пятнами в цвет живой травы и листьев. Поясом служила гибкая живая ветвь. На изящных маленьких ступнях – лёгкие сандалии, переплетающиеся ремешки обвязок поднимались до колен.

Больше у неё ничего не было: ни оружия, ни сумы.

Одного взгляда на незнакомку хватило бы, чтобы понять – она не человек. Узкое лицо с мелкими, хоть и соразмерными чертами, широко раздвинутые большие янтарные глаза с вертикальными зрачками, короткие и донельзя густые волосы, торчащие жёсткой щёткой, словно колючки у ежа. Длинные гибкие пальцы заканчивались настоящими коготками вместо ногтей. Впалые щёки, густые, сросшиеся на переносице брови – их внешние концы тянулись наискось через виски, придавая девушке сходство с какой-то хищной птицей вроде совы.

Народ застывшей у обрыва красавицы звался сидхами во всех краях широкого мира, мира Семи Зверей, как говорили его обитатели. Впрочем, это прозвание сохранилось лишь «в старых местах», вроде Смарагдового острова или уже упоминавшихся вольных королевств; жители больших городов Державы Навсинай или Некрополиса предпочитали иное имя мира – Райлег. Равно как и новых богов, вернее, бога – великого и непознаваемого Ома, творца сущего и несущего, низвергнувшего Семерых Зверей, якобы лишь стороживших мир для их истинных хозяина и хозяйки, владыки и владычицы демонов, Шхара и Жингры, кои и должны были в свой черёд сожрать Райлег со всеми потрохами.

Брр, жуткая сказка.

Сидхи не обладали бессмертием истинных аэлов-ноори, но жили дольше и людей, и подземных обитателей, низкорослых, коренастых, кого мы для простоты назовём привычным для читателя именем «гномы».

Далеко-далеко внизу внимательный глаз сумел бы различить тонкую нить полускрытой древесными кронами дороги. Ещё более зоркий, взглядевшись, заметил бы какую-то коробочку, отчего-то застывшую на обочине. Над коробочкой поднималась тонкая струйка почти прозрачного дыма.

Сидха смотрела вниз и видела совсем другое. А именно – как там, на дороге, горел закрытый возок, завалившись одним боком в канаву, перед ним бесформенными тушами застыли павшие тягуны. А по обе стороны дымящейся повозки в дорожной грязи валялись мёртвые тела в ярких красно-оранжевых ливреях.

Девушка наконец отошла от края пропасти. Решительно повернулась к ней спиной и упругим лёгким шагом двинулась на запад, вниз по склону, к угрюмо нависшим ветвям гор-

ных елей, ошетилившихся длинными, в ладонь, светло-серебристыми иголками. Голый камень обрыва уступал место мягкой лесной почве, густо покрытой опавшей сухой хвоей.

Рождённая в чаще, сидха двигалась бесшумно, изредка плавная текучесть нарушалась резким и отрывистым поворотом, взглядом жёлтых совиных глаз.

Десяток шагов – и за спиной странницы сомкнулась непроглядная завеса. Нигде ни малейшего признака тропинки, но сидха шагала уверенно, словно давно знакомой дорогой, направляясь к глубокой, густо заросшей ельником седловине между исполинскими горными пиками, взметнувшимися прямо к облакам.

Она слышала и чувствовала лес, как никогда не смог бы ощутить и самый лучший из людей-трапперов – замечала лёгкий след горного прыгуна, гнездо краснозобика в развилке ветвей, дупло ушастика. Звери и птицы не боялись её – впрочем, и не спешили навстречу, потому что гостья оставалась хозяйкой и повелительницей, а не одной из них. Впрочем, истинные сидхи никогда не охотились ни ради еды, ни ради развлечения.

Сидха шла, не останавливаясь и не задерживаясь, на ходу утоляя жажду из чистых и быстрых горных ручьёв, где между камнями скользили рыбы-пучеглазки. Им положено жить на больших глубинах, а вовсе не в горных речках; лишнее свидетельство вырвавшейся на свободу из неумелых человеческих рук магии. И если бы только рыбы... «Отходами магических практик», новосозданными племенами всяких там таэнгов и клоссов теперь кишмя кишат некогда заповедные земли Гиалмарских равнин.

И это ещё хорошо. Куда хуже – кошмарная Гниль, поразившая богатые, давно обжитые области.

Гниль – это когда у здоровых женщин вдруг ни с того ни с сего рождались жуткого вида младенцы, покрытые коростой, зловонные, больше напоминавшие червей, нежели людей, со «сгнившим», как говорилось в народе, нутром – пустым и чёрным. Мало кто из этих созданий доживал до вечера, а если рядом случалось оказаться медикусу или просто чародею со знаком Высокого Аркана и ему удавалось произвести вскрытие – невыносимый запах валил с ног всех на двадцать шагов в любую сторону.

Во многих местах несчастных матерей повадились просто и бессудно сжигать, как ведьм. Очень часто их судьбу разделяли и отцы.

Раньше, два-три десятка кругов Света назад, подобное ещё оставалось редкостью. Потом жуткие создания стали появляться всё чаще и чаще, и теперь они уже не просто тихо умирали к концу первого дня. Иные жили по неделе, пытаясь уползти, словно червяки. Иные уже прямо и рождались с острыми игольчатыми зубами в два ряда. Конечно, так обстояло далеко не везде. И громадное большинство младенцев в людских пределах покидали материнскую утробу такими, какими им и положено быть. Но зараза ужаса распространялась.

Дальше – больше. В девственных лесах и на вспаханных полях то тут, то там стала вспучиваться земля, набухая, словно болото пузырьм. Собственно, новый страх так и прозвали – пузыри земли. Они вздувались и лопались, на свободу вырывались целые орды отвратительных бледных многоножек с руку длиной и такой же толщины, снабжённых огромными челюстями. Многоножки пожирали всё: колосья на поле и скотину в лугах, посеревшие колья изгородей и свежеподнятые плетни. Счастье ещё, что отвратные твари жили только с заката до заката.

С ними, конечно, боролись. Маги, если успевали, жгли непотребство огнём, заливали убийственными ядами, и нельзя сказать, что это не работало, – однако новые пузыри лопались в других местах и почти всегда – близко от человеческого жилья.

Довольно быстро заметили, что земля чаще всего извергает червей там, где родился «выгнивший» изнутри ребёнок. Или – где он вот-вот родится.

...Пока что зараза охватила лишь человеческие земли. Во владениях других рас всё оставалось спокойно – вернее, там Гниль проявлялась по-другому, не столь отвратно и разрушительно.

Родные леса сидхи избегли подобной напасти, но в ближайших к ним деревнях за последние несколько кругов пузыри лопались уже дважды.

Впрочем, в диких и ненаселённых местах, за Таэнгом, такого, по слухам, не случалось.

...Сидха шагала и шагала, чуть замедлившись лишь однажды – когда, гордо пренебрегая опасностью, на другой берег ручья прямо перед ней вышел истинный властелин этих мест – великолепный снежный саблезуб. Поблескивали клыки в полторы ладони взрослого человека, изогнутые подобно знаменитым саблям южного Ксавра.

Сидха и зверь несколько мгновений смотрели друг другу в глаза. Саблезуб был смел и не собирался уступать. И лишь когда в руках девушки шевельнулась живая ветка-пояс, лесной владыка счёл за лучшее отступить с достоинством, не опуская головы и не поджимая хвоста, звериным чутьём поняв, *что* это в действительности за «пояс» и на что он способен. Тем более в руках истиннорождённой сидхи.

Странница продолжала путь.

Ночь застала её в самой глубине горного леса. Сидха не ломала веток и не устраивала себе никакого ложа, улёгшись прямо на ковре из опавшей хвои; пояс-ветка растянулась и тотчас же вытянулась, окружая спящую сплошным кольцом.

Рядом с собой сидха положила острый сук, подобранный в чаше.

Странница мгновенно уснула – спокойно, словно принцесса в родовом замке за десятком крепких ворот и сотнями верных мечей.

Закат отгорел буйством алого пламени, светило ушло за Край Мира, ночевать, обновляя свой Огонь Неугасимый, в ночные права вступили звёзды. Созвездие Жужелицы полыхнуло новой кометой – длинный хвост наискось перечеркнул спину небесного существа; многие астрологи сочли бы это недобрым знамением. Многие маги полагали Гниль «непосредственным следствием вредоносного комет воздействия» – потому что с мига, когда небеса расцвели многоцветьем сбившихся с пути бродячих звёзд (что получило в астрологии название Небесный Сад), Гниль стала злее и вроде как усиливалась и ослабевала, повинаясь влиянию странствующих по небосводу огней.

Девушка-сидха спокойно спала. Не сворачиваясь калачиком, не сжимаясь и не скорчиваясь – напротив, широко раскинув руки, словно стремясь обнять в свою очередь раскрывшееся навстречу ей звёздное небо.

Одна за другой из-за горизонта выкатились Гончие – две маленьких луны, поставленные в незапамятные времена ещё Семью Зверями освещать путь странствующим в ночи. Лёгкая серебристая длань лунного луча осторожно коснулась высокого лба спящей, мягко пробежала по густым бровям, ласково погладила острые кисточки на их концах...

В следующий миг на лицо сидхи упала уже настоящая тень. Что-то или кто-то загородил от неё лунный свет.

Спящая не пошевелилась. Зато мгновенно пробудилась окружавшая её стражевая ветвь. Могло показаться, что на пришельца ринулась прятавшаяся под хвоей змея; взвились мгновенно сплетшиеся кольца, готовые опутать незваного гостя так, что тот не сможет пошевелить ни рукой, ни ногой.

Однако ночной пришелец оказался ещё быстрее. Что-то выкрикнул гортанным голосом, мелькнули выброшенные перед собой руки, сплетённые в странном жесте, – по окрестным зарослям, по опавшей хвое и мху рассыпалась пригоршня серебристых огоньков. Сторожевая лоза странницы словно натолкнулась на засверкавшую белым преграду – искры рассыпались быстро утасоющей пылью, но и заколдованная ветка поспешно отдёрнулась.

Сидха уже не притворялась, что спит. Девушка застыла, сгорбившись и выпустив когти, словно готовая к драке дикая кошка. Сук мигом оказался у неё в руках, и острие смотрело прямо в грудь пришельцу.

Янтарные глаза сидхи вспыхнули жёлтым, из глубины идущим светом. Теперь странница видела ночного гостя – но, похоже, это оказался совсем не тот, кого она остерегалась. Густые брови сдвинулись, девушка недоумённо глядела на явившегося.

Он... он выглядел странно. Издалека и в темноте его приняли бы за человека или за гнома; но стоило всмотреться повнимательнее, и первое впечатление исчезало. Слишком широкие плечи, слишком мощная грудь, слишком длинные руки; могучие мышцы сделали бы честь любому атлету, но самое главное – плечи, локти, колени и шея прикрывались вырастающими прямо из маслянисто поблескивающей смуглой кожи шипастыми пластинами твёрдой кости, словно у дракона. Гладкие волосы незнакомца спускались до плеч, заплетённые в три косы – на темени и сразу за висками. На правой щеке проступала родовая метка – язык пламени, но стоило сидхе взглянуть, как она поняла – это не специально наколотый рисунок.

Из одежды пришелец обходился одной лишь набедренной повязкой да широким кожаным поясом – на нём висела деревянная фляга искусной работы. В правой руке покачивался ровно заполированный посох высотой в рост хозяина.

Мгновение они стояли друг против друга, напряжённые, словно готовые к схватке звери. Ночной гость первым медленно положил на землю посох, развёл руки в стороны, поднял их, показывая сидхе пустые ладони.

– Ты кто? – вырвалось у девушки. Она говорила на арго, составленном из слов доброго десятка разных наречий, распространённых почти по всему Райлегу. Этот жаргон охотно использовали и люди-купцы, и следопыты-сидхи, и рудознатцы-гномы, и ещё десятки других племён, наделённых даром слова.

– Я понимаю твой язык. Можешь говорить на изначальном, – последовал ответ. Зазвучало певучее, правильно-музыкальное наречие, вот только язык и гортань пришельца предназначены были явно для другой речи.

Протянувшиеся до висков брови изумлённо поднялись.

– Ты знаешь язык сидхов?

– Выходит, знаю.

– Откуда?!

– Многого хочешь, Жёлтоглазая.

– Ты отбил моё сторожевое заклятье... знаешь нашу речь... выглядишь как дхусс, на щеке у тебя клановый знак дхуссов; но ни одному дхуссу не выговорить ни слова языком моего народа!

– Верно, не выговорить. Ну так я и не дхусс, – угрюмо усмехнулся пришелец.

– А кто же ты тогда?!

– Какая разница, сидха-странница? Я тебе не враг, если ты ещё не поняла. Можем попытаться поговорить, глядишь, ты и сможешь мне поверить. А если нет – навязываться не стану, не подумай.

Девушка заколебалась. Повела из стороны в сторону острым сучком, и под колючими ветвями повисли гирлянды крошечных огоньков. Они давали вдоволь света, но если бы кто-то крылатый пролетел сейчас над горной долиной, то не заметил бы и малейшего проблеска.

– Ты ведь шёл за мной, правда? – закусив губку, спросила она. – И довольно долго, верно? Но ты не из охотников. Скорее... – она помедлила, пристально глядя в собеседника, – скорее ты сам – добыча. Я чувствую... горе, и боль, и утрату, и страх...

– Надо же, – усмехнулся ночной гость. – Много ж ты видишь, Жёлтоглазая. Ошиблась только в одном – я ничего не боюсь.

– Ты – не боишься. Бойтся твоя память, – покачала головой сидха. – И не за себя, за других...

– Я видел, что случилось с тем возком, – незнакомец твёрдо взглянул прямо в горящие жёлтым глаза, меняя тему. – Видел убитых бreonнов, и кучера, и фореитора. И как там всё

горело. Когда увидел дым, сперва решил, не пузырь ли тут лопнул, не жгут ли навсинайские егеря червей, – ан нет.

– Вот как... – протянула сидха. – Ан нет, говоришь... Возок, он да. Сгорел, видишь ли. Тем, кто им правил, не повезло тоже. Такова жизнь – если не ты, то тебя.

– Я вижу, – пришелец не двигался, но под пристальным взглядом сидхе вдруг стало очень не по себе. – За что ты их убила, этих несчастных?

– Несчастных?! – вскинулась девушка. – Бреоннов? Ты их жалеешь, что ли? Этих тупоумных ящериц?! А если жалеешь – то что теперь?! Отомстишь мне за их смерть?

– Бреонны не «ящерицы», и они не «тупоумны», – спокойно возразил незнакомец. – Будь они действительно таковы, их не послали бы в конвой, сторожить захваченную сидху, наверняка посвящённую во многие таинства стихийной магии своего народа. Что же до мщения... Твоя смерть не вернёт их к жизни, это во-первых. А во-вторых... во-вторых, я полагаю, у тебя имелись веские причины не стремиться в Шкуродёрню.

– Веские... о да, имелись, и притом очень веские! – яростно прошипела сидха, встопортившись разъярённой тростниковой кошкой. – Равно как и у тебя, наверное, имелись веские причины не отправиться своей дорогой, а невесть зачем потащиться за мной. Неужто решил заработать награду от Ловцов?!

– Не говори ерунды, – резко сказал дхусс, утверждавший, что он не дхусс. – Я не наёмник, не егерь Державы и уж тем более не слуга Некрополиса. Случившееся – твоё дело, и только твоё. Твоей совести. Я не судья, я не вмешиваюсь. Конечно, хотелось бы знать, что произошло, но рассказывать или нет – на то лишь твоя свободная воля.

Сидха покачала головой.

– Ведь тебя, по всему судя, везли в Дир Танолли, знаменитую Школу Стихий – всем известно, что сидхи там в большой цене. А по-простецки эта Дир Танолли именуется совсем иначе – Шкуродёрня. Гнили в старых местах всё больше, соответственно, требуется и больше магов, способных с ней бороться. Полагаю, однако, тебе в Дир Танолли не слишком хотелось.

А тут – такой случай. Дорога идёт лесом, густым и глухим. Рядом – Таэнгский хребет, за перевалом – места ещё более дикие. Мелкие поселения, деревушки, сколько-то подземных шахт. Больших людских городов нет, в ближайшем – Семме – не насчитается и двух тысяч жителей. Остальное – бродячие племена тех, кого в Навсинае принято именовать «отходами магических практик».

– Дхуссы...

– Дхуссы в том числе, – невозмутимо сказал пришелец. – А также таэнги, гверды, клоссы – люди именуют их ещё троллями – и многие другие. Я так понимаю, что общество изгоев показалось тебе предпочтительнее классов Шкуродёрни. Что ж, неудивительно. Хотя сомневаюсь, что компания тех же таэнгов пришлась бы тебе по душе.

Жёлтые глаза зло сощурились.

– Слишком уж ты проникателен, Меченый. Не потому ли шатаешься сам-друг по горам и чашобам? Кто с таким всевидцем знаться захочет?

Дхусс усмехнулся. Правда, усмешка у него получилась не слишком веселой, и стало заметно, что он ещё очень молод.

– Да, верно, – после минутного молчания промолвила сидха. – Лучше уж... общество дхусса-изгнанника, чем... чем Шкуродёрня. А почему тебя отторг клан, Меченый?

– Я похож на дхусса, однако не дхусс, Жёлтоглазая. И уже хотя бы поэтому никакой клан меня не отвергал. Потому что никакого клана у меня никогда не было и быть не могло.

– Ага, говори-говори... А на щеке у тебя что? С дерева свалился?

Незнакомец в упор взглянул на сидху.

– На щеке метка клана Морры. Как она там появилась – особая история. Но скажи мне, где ты видела дхусса, знающего Siddhean, твой язык? Где ты видела дхусса, способного остановить охранную лозу истиннорождённой сидхи?

Девушка помолчала.

Её собеседник улыбнулся. Хорошей, открытой и доброй улыбкой – её, однако, сильно портили мощные клыки, впору любому зверю.

– Ого, – вздрогнула сидха. – И после этого ты говоришь... что ты не дхусс?

– И после этого я продолжаю говорить, что я не дхусс! – теряя терпение, рявкнул пришелец. Нахмурился и тотчас разгладил прорезавшие лоб складки. – Так ты всё-таки поведаете, как тут оказалась? А там, может, придумаем, что делать дальше. Я готов слушать, Жёлтоглазая, – закончил он уже совершенно иным тоном, спокойно и мягко. – Огонь, я знаю, вы терпеть не можете, еду нашу не признаёте, поэтому даже потрапезничать под беседу мы не сможем. Прежде всего, как тебя зовут, благородная сидха?

– Нэйсс, – не слишком охотно отозвалась девушка. – А тебя?

– Тёрн, – ночной гость вдруг вскинул голову, насторожился – и тотчас вскочил, как брошенный, схватившись за посох. – Вот так так... Это как же? Как она от меня-то скрылась?..

– Ты чего? – тотчас подобралась сидха.

– Чего я? – повернулся к ней Тёрн, глаза его тоже сверкали. – А вот чего, Нэйсс, – ты не знаешь разве, что за тобой всё это время кое-кто полз?

– Что? – вздрогнула девушка. – П-полз? К-кто полз?

– А вот это мы сейчас и узнаем! – Тёрн пригнулся и разом исчез под низко склонившимися ветвями, играючи избегнув длинных колючек.

– Эй! Ты куда?! Вернись! – запоздало крикнула сидха.

Ночь ничего не ответила.

Нэйсс вскочила на ноги, подхватив с земли охранную плеть. Истиннорождённой сидхе ничего не стоило взять след ночного гостя, пусть даже и дхусса, чьи родичи отлично умели, когда надо, отвести глаза любому преследователю.

Зачарованная ветвь завертелась, словно настоящая змея, схваченная за хвост. Ноздри девушки-сидхи трепетали, жадно втягивая благоухание горного леса, сплетающиеся и сливающиеся ароматы десятков, если не сотен, редких трав, почек молодых елей, ещё только пускающих корни побегов многолистника... Здесь всё наполнилось запахами, множеством запахов. Звери и птицы, травы и мхи, кусты и выюнки – скалы жили, неся на каменных плечах тысячи тысяч малых жизней, и древнему хребту не было никакого дела до одинокой беглянки-сидхи.

И никаких следов Гнили. Нет, недаром говорят, будто бы это – насланное на людей проклятье за вечную грязь их душонок и помыслов.

Сидха чувствовала всё это и ещё многое другое, не в силах, к своему глубокому изумлению, обнаружить лишь одного – следа странного дхусса, утверждавшего, что он вовсе не дхусс.

Однако прошло не так уж много времени, и назвавшийся Тёрном снова возник перед Нэйсс – словно соткавшись из ночного сумрака и лёгкого горного тумана. Он сгибался под какой-то ношей, но ступал по-прежнему бесшумно.

Только теперь сидха ощутила то, что обязана была учуять давным-давно, с самого начала: острый и едкий запах крови, смешанной с чародейскими декоктами. Крови, соединённой с магией, крови, пронизанной ею. Вонь ударила тяжёлым молотом, в голове у Нэйсс помутилось; от внезапно нахлынувшей дурноты она пошатнулась, едва не растянувшись на земле.

– Интересные, оказывается, были у тебя попутчики, – холодно заметил Тёрн, со спокойной, бесстрастной аккуратностью снимая с плеч добычу и опуская её наземь. – Ошибался я, выходит. Думал – Шкуродёрня, Дир Танолли, туда тебя тащат... И, главное, как ловко-то она за тобой ползла – никто ничего не заметил, не почувствовал даже, пока, видать, силы у неё совсем не иссякли.

– Ты чего? Ты о ком? У кого силы чуть не иссякли?

– Смотри сама, – кратко отмолвил Тёрн.

Нэйсс невольно отступила на шаг, пригибаясь словно для прыжка и на всякий случай выпуская когти. Этот непонятный дхусс мог оказаться поистине страшным противником. Было в нём что-то... вопиюще неправильное. Дикарь, чьё племя образованные и утончённые сидхи давно подозревали в каннибализме, никак не мог, не имел права превзойти её, истиннорождённую.

Дхусс же по имени Тёрн спокойно стоял, в поднятой левой руке (которую так и тянуло назвать «лапой») неярко светился серебристый огонёк. А у его ног...

Затянутая в сотканную из серых и чёрных лоскутов куртку и такие же порты, на сухой хвое лежала девушка. Белое, ни кровинки, лицо, огромные антрацитовые глаза широко раскрыты, и в них сейчас не отражалось ничего, кроме боли. Одежда зияла многочисленными прорехами; края их задубели от высохшей крови.

– Гончая Некрополиса, – холодно прокомментировал Тёрн, брезгливо поддевая пальцем охватывающий шею раненой серо-стальной обруч, усеянный странными, даже на вид злобными рунами. – Ползла по твоему следу, Нэйсс. Ползла, даже израненной, по-моему, так даже и смертельно. Что может служащая Мастерам Смерти делать в одной компании с бреоннами Дир Танолли?

Нэйсс опустила голову.

– Что ж, мне снова предлагается догадаться самому. – Тёрн присел на корточки, грубые на вид пальцы быстро и ловко пробежали от висков к ключицам раненой. – Возок и прислуга из Дир Танолли. Во всяком случае, не отличишь. Бреонны состоят на службе в Шкуродёрне со времён, когда ещё властвовали Семь Зверей. Однако охраняет пленную сидху не кто иная, как Гончая Некрополиса. Очень сомневаюсь, чтобы тамошние Мастера добровольно предоставили эскорт в распоряжение принцепала Школы Стихий. Держава Навсиная едва ли дошла до настолько тесного союза с Некрополисом – особенно если учесть, сколько раз они чуть не перегрызли друг другу глотки, и притом не в таком уж далёком прошлом. Нет, тут дело хитрее. Тебя везли не в Шкуродёрню, а слегка подальше. В сам Некрополис. Ну что, я прав?.. Не вилай, Нэйсс, скажи уж лучше правду. – Дхусс не переставал возиться с раненой и на сидху почти не смотрел, только сейчас подняв испытующий взгляд. – Честное слово, не пойму, чего тебе запереться. Если тебя схватили Гончие, прислужницы Мастеров Смерти, – чего тут скрывать? Мне, поверь, хватает собственных тайн и загадок. Вешать на себя твои – мне как-то совсем не с руки.

– Тогда зачем выпрашиваешь? – огрызнулась Нэйсс. – Думай про меня что хочешь, дхусс, но это не твоё дело. Мы встретились, и мы расстанемся. И каждый пойдёт своим путём. И никаких вопросов. Ты не прокуратор Навсиная. Кто меня вёз, куда и зачем – тебе знать не обязательно. Я сама выбралась из западни, сама, слышишь?! Ты меня не спасал, на руках по скалам не таскал. В отличие от неё, – сидха с отвращением кивнула на неподвижную Гончую. – О ней ты, я вижу, заботаешься с искренней страстью.

– Она ранена. Слаба. Потеряла много крови. Как я могу её бросить? А ты, Нэйсс? Ты можешь?

Распростёртая на земле девушка-Гончая едва заметно шевельнулась.

– Какое мне до неё дело? – равнодушно пожала плечами сидха. – Она тварь некромантов. Пусть подыхает, туда ей и дорога. Ты со мной разве не согласен?

Глаза дхусса, упрямо не желавшего, чтобы его причисляли к дхуссам, гневно сощурились.

– Она слаба, ранена, – повторил он. – Беззащитна и, считай, безоружна – от её меча сейчас мало толку. Она ползла за тобой, истекая кровью, не знаю, как, но одолела скальную стену, – а ведь сюда взобраться и здоровым-то не всем под силу. Она ползла, уже явно не рассчитывая

вновь захватить тебя. Но всё равно – ползла. Не догадываешься, почему, о истиннорождённая сидха?

– Нет. Не догадываюсь и голову себе ломать не собираюсь, – Нэйсс презрительно поджала губы. – Стану я ещё думать об этих... этих... извращениях вашей людской природы. Их нужно уничтожить, всех до единого. И умирать они должны медленно, в муках, так, чтобы почувствовали хоть малую часть того, что творили сами. Но уничтожены они должны быть, и именно все до единой, иначе мир так и не обретёт покоя. А вот почему ты её защищаешь, а, Тёрн? Или тоже мечтаешь надеть такой же вот милый ошейничек?! Я сказала, пусть подышает. Мне нет до неё дела.

– Ну а мне есть, – дхусс опустил голову, вглядываясь в бледное лицо раненой. Кривоватые, на вид такие неуклюжие, пальцы его вновь пробежали по шее и груди Гончей, послышалось сухое потрескивание, мелькнуло несколько жемчужных искорок. – Мне есть дело и до тебя, и до неё.

– Эй! – всполошилась сидха. – Совсем ума лишился, ты, как там тебя?.. Лечишь ты её, что ли? Да знаешь, что она с нами сделает, едва в себя придя? Мне с ней только потому и удалось справиться, что я эту тварь врасплох захватила!

– Ты захватила врасплох Гончую Некрополиса? – Тёрн удивлённо поднял брови. – Верится с трудом, о истиннорождённая Нэйсс. Гончую Некрополиса врасплох захватить невозможно. Иначе это уже не Гончая и не Некрополиса.

Сидха гордо задрала нос:

– Не хочешь – не верь, мне-то что за дело...

– Ты послушай, – строго перебил её дхусс, – она поползла за тобой, потому что своих, похоже, страшилась ещё больше. Посмотри на обруч. Рун мало, всего три. Последняя – большая «акс». А первая?.. Видишь – малая «зерд», потом – малая же «вайт»... В чём-то отличилась, но недостаточно, свободного места слишком много. Гончая – из молодых. Три руны, из них только одна большая, а одна из малых – начальная; чин, следовательно, из мелких, начальных. Задание ей дали простое – вести одурманенную заклятием или снадобьем сидху, а потом то ли пленница сама перебила наговор, то ли алхимики неправильно рассчитали силу зелья – не знаю, что случилось, однако сидха пришла в себя задолго до места назначения. А Гончая ничего не заметила... наверное.

Нэйсс не ответила. Только глазищи так и сверкали янтарным пламенем, соперничая в яркости с горящим в ладони дхусса серебристым огнём.

Раненая пошевелилась и застонала. Стон получился жалобный, жалкий и слабый. Совсем не свойственный свирепой и бесчувственной Гончей, не знающей ни милосердия, ни сострадания, ни сомнений, ни колебаний.

Щека Нэйсс дёрнулась. Когти выдвинулись до самого предела.

– Успокойся, дикая. Она, – кивок на лежавшую, – тебе вреда уже не причинит.

– А ты откуда знаешь? – зашипела Нэйсс.

– Знаю, – коротко ответил дхусс, не переставая возиться с Гончей.

– Скажите, пожалуйста, какой всезнайка! А вот выпустит она тебе кишки, тогда что? Или ты у нас такой непобедимый?..

– С настоящей Гончей в открытом бою мне, конечно, не справиться, – неожиданно спокойно и легко признался дхусс.

– Не может быть! – передразнила его Нэйсс. – Чтобы дхусс вот так запросто признал, что...

– Сколько можно повторять, что я не дхусс?

– Да, вот теперь готова поверить, – ядовито бросила сидха. – Ни один истинный дхусс с таким никогда бы не согласился.

– Я не истинный дхусс. И меня подобные глупости не трогают, – спокойно отозвался Тёрн. – Ага! Нашёл! Глубоко, однако ж, как затянуло уже...

Он резко выпрямился. Окровавленные пальцы сжимали нечто вроде короткой толстой иглы, сейчас кажущейся почти что чёрной. С иглы медленно срывались тяжёлые маслянистые капли.

– Крепко ж ты её, – покачал головой дхусс, поднимая глаза на сидху. – Neander Hazix, верная и неотразимая, иначе – Игла-до-Сердца.

– А чего их жалеть, – Нэйсс оскалила мелкие зубы. – Нелюдь и нежить они, более никто.

Откуда этот дхусс может знать, как на языке сидхов зовётся это убийственное и считающееся неотразимым заклинание?

– Кровь у неё красная и горячая, – зло бросил Тёрн. – У зомби и прочей нежити такого не бывает.

– Она хуже нежити. Зомби безмозглы, их такими сотворили. А она...

– Её тоже сотворили такой, – заметил Тёрн. – Она тоже не виновата.

– Ага, ага, она не виновата, её пославшие не виноваты, маги, что придумывали те заклятья, тоже не виноваты, потому что ими двигало не что иное, как страсть к чистому познанию...

– Здесь не место для философических диспутов, – Дхусс брезгливо переломил покрытую тёмной кровью иглу. – Долг знающего – помочь страждущему. Так гласит кодекс Далеины...

– Ты слышал о кодексе Далеины? – вздрогнула сидха.

– Не люблю неумных, – возведя глаза к небу, сообщил Тёрн молчаливым колючим ветвям.

– Это я-то неумная?! – вскинулась Нэйсс.

Её собеседник, похоже, счёл, что отвечать ниже его достоинства.

Раненая Гончая тем временем вновь зашевелилась и застонала. Тонкие руки и ноги, на вид такие хрупкие, содрогнулись в конвульсиях. Туго обтянутая серым платом-повязкой голова приподнялась, Гончая резко выдохнула – воздух пополам с кровью.

– Ты пропорола ей лёгкое, – осуждающе сказал Тёрн. – Даже убить как следует не смогла. Чтобы сразу и без мучений.

– Без мучений, как же! Я и хотела, чтобы эта тварь подольше мучилась! Чтоб на своей поганой шкуре почувствовала, чтоб до дна проняло напоследок! – выкрикнула Нэйсс, резко отворачиваясь.

– Очень достойно чести благородных сидхов, очень достойно. – Тёрн вновь склонился над раненой, руки его снова заскользили по окровавленной одежде. Гончая задёргалась и застонала. Пальцы судорожно сжались, впиваясь в землю, скребя её, словно пытаясь невесть до чего до-браться.

– И вторая иголка... и третья... – Дхусс в упор взглянул на сидху и отчеканил: – Ни одно живое существо, какие бы преступления оно ни совершило, не заслужило таких мук. Если оно обречено смерти по приговору справедливого суда – казнь должна совершиться молниеносно. Пытая и мучая своих врагов, пусть даже они причинили нам великое зло, мы становимся в ряд с ними...

– Шпаришь как по писаному, – усмехнулась сидха. – Тебя бы самого в Шкуродёрню, эту, как её, этику магии преподавать. Сказали б тебе там ученички, куда ты можешь засунуть себе свою этику... равно как и принципы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.